

Исторические и правовые аспекты социального насилия начала XX века

В.А. Козенюк

доктор юридических наук, профессор,
Университет экономики и права «КРОК»

У статті розкрито історичні та правові складові соціального насильства початку XX ст.: причини цього явища, мотиви організаторів і безпосередніх виконавців терористичних та інших протиправних примусових акцій. Показано роль і масштаби участі радянських спецслужб у зазначених акціях, а також ступінь їхньої вини за тяжкі наслідки.

Ключові слова: соціальне насильство, репресивні органи, терористичні акції.

В статье раскрыты исторические и правовые составляющие социального насилия начала XX в.: причины данного явления, мотивы организаторов и непосредственных исполнителей террористических и иных противоправных принудительных акций. Показаны роль и масштабы участия советских спецслужб в указанных акциях, а также степень их вины за наступившие тяжёлые последствия.

Ключевые слова: социальное насилие, репрессивные органы, террористические акции.

The article deals with the historical and legal constituents of the social violence at the beginning of the XX century : causes of this phenomenon, motives of organizers and actual executors of terroristic and other illegal forced acts. The role and scales of the soviet special services participation in the actions mentioned above, as well as the level of their guiltiness for heavy consequences are shown.

Keywords: social violence, repressive bodies, terrorist acts.

Постановка проблеми

Тема соціального насильства в началі XX в. постійно привертала увагу багатьох дослідників радянського і пострадянського періодів розвитку нашої країни. Подавляюче більшість не мало уваги в своїх роботах надавало соціальному насильству, жорстокості, заляканим Україну в роки революції і післяреволюційний період.

Відкриваються причини і наслідки цих явищ. Вказуються шляхи їх викоренення і недопущення в майбутньому. Нова факти соціального насильства, як відомо, досить часто проявляються і в наші дні во багатьох країнах світу, в тому числі і в СНД, ставших ніби на шлях демократичного розвитку. Таким чином, виникає необхідність подальшого, більш глибокого дослідження причинно-наслідкових зв'язків згаданого вище феномена зла.

Анализ последних исследований и публикаций

Соціальне насильство було предметом дослідження як російських, так і українських учених, до числа яких належать: В. Бабкін, В. Селиванов, А. Чайковський, М. Щербак, А. Гейфман, А. Спиридович, І. Рабков, В. Коларов, В. Антонов-Овсєнко, А. Дмитрієв, Г. Сарбей, Б. Курашвили і інші. Як показав аналіз, ними відкриті основні причини і наслідки соціального насильства, його форми і методи, а також названі ідеології і виконавці.

Не решенные ранее части общей проблемы

Вместе с тем, в трудах вышеназванных авторов не нашли освещения исторические и правовые аспекты социального насилия начала XX века.

Формулирование целей статьи

Цель статьи – раскрыть исторические и правовые аспекты социального насилия начала XX века.

Изложение основного материала исследования

В исследованиях советского периода обнаруживается следующая закономерность – ответственность за насилие, например, в годы гражданской войны или военной интервенции возлагается на противников советской власти. В работах постсоветского периода основными виновниками выписываются уже сторонники советской власти. Интересно, что единство эти диаметральных подходов проявляется в том, что авторы немалую долю обвинений в чрезвычайной жестокости адресуют спецслужбам противной стороны. В литературе последних лет, особенно научно-популярного жанра, делается явный акцент на зверства сотрудников советских спецслужб, которые весьма эмоционально и столь же безапелляционно объявляются единственными носителями зла и неиссякаемым источником социального насилия.

Автор статьи далек от цели определять, лукавство какой стороны в отражении исторических событий того периода весомее. Они обращают внимание читателя на то, в чем противостоящие стороны едины – в признании многочисленных фактов насилия над народами Украины. Опубликованные в последнее время обширные, разноплановые материалы и документы о событиях тех лет однозначно свидетельствуют, что в эскалации социального насилия большевики и их противники оказались «достойны» друг друга. В лютой ненависти к политическим противникам, нередко порождающей садистскую жестокость, между офицером Антанты или Белой гвардии, овладевшими силу нравственного и профессионального воспитания многими достижениями цивилизации, и революционным командиром, имеющим об этих достижениях весьма смутное представление, заметной разницы не было – обе стороны не считали человеческую жизнь особой ценностью и

были довольно равнодушны к моральным и физическим страданиям поверженных.

Политологи В. Бабкин и В. Селиванов отмечают, что по Украине послереволюционного периода прокатились волны жестокого «белого», «красного», «черного» (анархистского) и иного террора. «В политической практике различных режимов, – подчеркивают они, – после Октября 1917 года, (Гетманат П. Скоропадского, Директория, Белая гвардия, Махновское движение, «диктатура пролетариата») ширился произвол, террор. Падала цена жизни, жестоко страдали интеллектуальные слои общества, так как взятие власти оставляло прежним общий вектор насилия над личностью». Именно последнее высказывание являлось для авторов ключевым при последующем раскрытии материала. При этом они были далеки от определения удельного веса социального зла, привнесенного в общественное сознание каждой политической силой того периода. Совершенно очевидно, что подобный «вклад», например, гетмана Павла Скоропадского и его спецслужб несопоставим с «заслугами» военного режима генерала Деникина или практикой революционной целесообразности командарма Антонова-Овсеенко.

Однако общий вектор насилия над личностью при утверждении своей власти присущ в разной степени им всем. На познание этого феномена и направлены основные усилия авторов данной статьи. При этом не следует думать, что подобная картина характерна только для революционной Российской империи. Революция, к примеру, в Австро-Венгрии и последовавшая гражданская война сопровождались жестокостью и насилием.

Скорее всего, сформировалось такое антигуманное мировоззрение далеко не сразу и не только под влиянием коммунистов, хотя и не без их активного участия. Чтобы понять, почему подобные взгляды стали доминирующими как в том, так и в другом лагере, следует обратиться к их истокам, лежащим, по нашему мнению, в начале столетия, и проследить процесс деформирования общечеловеческих ценно-

стей в общественном сознании населения российской империи под воздействием череды кровавых событий начала XX века. Событий таких было немало, и каждое последующее все более подтачивало нравственные устои общества, притупляло инстинкт самосохранения у людей, делало их все менее восприимчивыми к разнообразным актам социального насилия, вводя эту патологию чуть ли не в социальную норму. Постепенно «увеличивалась невидимая, но реальная критическая масса зла и саморазрушения».

Эта закономерность, справедливо подчеркнутая процитированными выше авторами в сталинском режиме, на наш взгляд, верна и для более ранних событий. Вот перечень наиболее значимых из них: политический террор противников царизма 1900-1905 гг., революционные выступления 1905-1907 гг., разгром революционного движения 1907-1911 гг., кровопролитные русско-японская 1904-1905 гг. и Первая мировая 1914-1918 гг. войны, революции 1917 г. в российской империи, военная интервенция и гражданская война 1918-1920 годов. Даже без детального анализа ясно, что в российское общество в первой четверти XX в. влилось новое поколение, вся жизнь которого сопровождалась непрекращающимся, по сути, процессом истребления людьми себе подобных. Такая концентрация и интенсивность социального насилия, вне всякого сомнения, не могли не сказаться на общественном мировоззрении.

Перечень кровавых событий начала века свидетельствует, что немалая часть этого насилия была связана с революционной деятельностью противников российской монархии, которые наиболее эффективным средством решения политических задач считали террор. Современная политология отмечает «...живучесть в России идеологии радикального экстремизма нечаевского типа, которая провозглашала ... беспощадные расправы, умерщвление человеческого в людях» [1, с. 330, 355, 356; 25, с. 85]. Политический террор в России был принят на вооружение революционной оппозицией во второй половине

XIX в., но его размах не сравним с волной терроризма, захлестнувшей страну с начала XX века. С 1860 г. до 1900 г. на счету политических экстремистов было не более 100 убийств. Каждое политическое убийство становилось центром общественного внимания, оно неоднократно комментировалось печатью, видными политическими деятелями, полицейскими чиновниками, обсуждалось представителями различных социальных групп. Но при всем этом, такие террористические проявления не оказывали существенного влияния на привычный общественный уклад российского общества, хотя и находили в нем живой отклик.

Политический экстремизм начала XX в. и его влияние на общественную жизнь были совершенно иными. Особо разрушающим явилось его воздействие на систему духовных ценностей общества, связанных с человеколюбием, бережным отношением к человеческой жизни, признанием ее высокого статуса. Это произошло в силу того, что резко возросли масштабы политических убийств и революционных экспроприаций, расширилась их география. Жестокие акты насилия затронули широкие слои населения, к террористической деятельности приобщились многочисленные политические партии, молодежные организации, уголовные группы, различные авантюристы, а то и просто садисты.

Первые годы XX в. ознаменовались всплеском террористических настроений, которым предшествовал период относительного спокойствия, установившийся после убийства царя Александра II. Экстремисты минувших лет в центре своих планов держали цареубийство и для этого разрабатывали различные взрывные устройства. На рубеже столетий в революционных кругах все более стало утверждаться мнение, что политических целей можно добиться только самым широким и разносторонним террором. Первым политическим убийством XX в. было устранение консервативного министра образования России Н. Боголепова. Этот «успех» положил конец теоретическим спорам в среде радикалов о пользе индивиду-

ального насилия и призвал под знамена террора тысячи его сторонников. С этого периода начинают складываться политические группы и партии, официально признававшие эффективность политических убийств. Наиболее известной из них была партия социалистов-революционеров (эсеры). Боевики именно этой организации продолжили кровавый список нового столетия. В апреле 1902 г. одетый в военную форму бывший студент Киевского университета С. Балмашев смертельно ранил министра внутренних дел Д. Сипягина. В июле 1904-го Е. Созонов убивает уже его приемника В. Плеве. В феврале 1905 г. от рук террориста И. Каляева погибает московский генерал-губернатор [2, с. 100-106]. Лидер партии эсеров М. Спиридонов в 1906 г. убила тамбовского вице-губернатора. Этот перечень сенсационных террористических актов впечатляет, но не передает динамику разрастания чрезвычайно опасного явления. Наиболее полно она отражена в воспоминаниях известного жандармского чиновника А. Спиридовича, который писал, что действия радикалов, направленные на ослабление государства, вплоть до его падения, превратили страну в кровавую баню. Невозможно было оставаться бесстрастным свидетелем многочисленных сцен насилия, были дни, «...когда несколько крупных случаев террора сопровождалось положительно десятками мелких покушений и убийств среди низших чинов администрации, не считая угроз путем писем, получавшихся чуть ли не всяким полицейским чиновником; ... бомбы швыряют при всяком удобном и неудобном случае. ... Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями (Казань) и памятниками русским генералам (Варшава) и кончая церквями» [3, с.120].

О масштабах революционного террора можно судить даже по неполной статистике, дошедшей до нашего времени. Только за год, начиная с октября 1905 г., в Российской империи было убито и ранено 3611 государственных чиновников, в последующие 14 месяцев количество жертв

террора достигло 4500 человек. Причем при совершении этих политических акций пострадало очень много не причастных к политике людей, случайно оказавшихся на месте трагедии, – убито было 2180 граждан и 2530 – ранено.

Такой размах насилия, безусловно, потряс российское общество. В конце 1907 г. жертвами террористов в среднем становились 18 человек в день. Если в XIX в. каждый акт революционного насилия становился сенсацией, то после 1905 г. экстремистские акции стали происходить столь часто, что газеты были не в состоянии их комментировать и ограничивались опубликованием перечня актов насилия с указанием списков убитых и ограбленных. Империю охватила «эпидемия боевизма». С начала января 1908 г. до середины мая 1910 г. было зафиксировано около 20 тыс. политических убийств и экспроприаций, причем нередко политические мотивы этих акций переплетались с уголовными. В реальной жизни их, наверняка, было намного больше. Но даже официально зарегистрированные цифры впечатляют – убитых и раненых государственных чиновников было около 2 тыс. человек, а частных лиц при этом пострадало почти 6 тыс. человек. Кульминацией серии террористических актов против высших государственных чиновников стало убийство в Киеве премьер-министра П. Столыпина.

Особенно велико влияние революционного террора было на население имперских окраин, где нередко экстремистские акции были особенно дерзкими и жестокими. В Варшаве, например, ежемесячно в годы революционного подъема погибало около 15 военных, жандармов, полицейских. Боевой отдел польских социалистов организовал массированный налет на варшавские полицейские посты, когда в течение одного дня были убиты более 50 солдат и полицейских. В Прибалтике активизировались «лесные братья» – вооруженные группы, которые зимой 1906-1907 гг. организовали налеты на 130 поместий только в Рижском уезде. Масштабное кровопролитие происходило в районах еврейской черты оседлости. В первые годы сто-

летия крупные еврейские погромы прошли в Кишиневе, Одессе, Минске, Киеве. В среде еврейского населения это активизировало экстремистские настроения и инициировало его приобщение к террористической деятельности. В начале 1900-х годов почти 30% всех лиц, арестованных за политические преступления, составляли евреи. В то время как их удельный вес среди народов России не превышал 3%. Среди членов революционных партий евреев было до 50%, отдельные анархистские боевые группы ими полностью комплектовались по национальному признаку.

По мере развития революционной ситуации менялась направленность экстремистских акций, которые становились все более циничными и беспредельно жестокими. В революционную практику ворвался лозунг об уничтожении сторожевых псов старого порядка, при этом принадлежность намеченной жертвы к этой ненавистной революционерам категории был волен определять сам террорист. В реальной жизни это обернулось кровавым кошмаром. За шесть месяцев, начиная с октября 1905 г., было убито или ранено около 700 сотрудников Министерства внутренних дел, но только 13 из них занимали сколько-нибудь значимые посты. Остальные были городовыми, полицейскими, кучерами, сторожами, дворниками.

Можно привести множество примеров беспорядочного, немотивированного насилия, свидетельствующих о том, что «...терроризм стал не только самоцелью, но и – в прямом смысле слова – спортом, в котором игроки видели в своих жертвах лишь движущиеся мишени» [4, с. 19, 30, 59, 241, 242, 313]. Жестокость насилия рождала патологические проявления в среде боевиков. Некоторые из них, особенно из числа анархистов и максималистов, могли устроить соревнования по количеству проведенных убийств и грабежей. Другие для того, чтобы выманить намеченную жертву на расправу, могли убить ее отца и терпеливо дожидаться намеченного часа на предстоящих похоронах. Поразительно, но почти через 90 лет эти приемы оказались востребованы

современными террористами в различных регионах мира, в том числе и в ряде стран СНГ.

Столь циничное и агрессивное поведение экстремистов парализовало не только широкие слои населения, но и органы государственной власти, совершенно не подготовленные к таким событиям. Многие государственные чиновники опасались не только идти на службу, но даже выходить на улицу. Особенно это было заметно на периферии. Удивительно то, что дрогнули даже органы правопорядка, многие полицейские стали уходить со службы, оставшиеся не демонстрировали особого рвения, а то и вовсе пренебрегали своими обязанностями. На периферии доходило до абсурда. Когда, например, телохранители известного латвийского террориста несколько раз обстреляли полицию, пытавшуюся его арестовать, офицеры полиции отказались подчиняться приказам об аресте этого террориста [5].

Добавили напряженности в обществе попытки зажиточных граждан окружить себе частной охраной, которая чаще всего комплектовалась из отпетых уголовников. Охраняя одних, они не упускали возможности ограбить других. Малоэффективными были попытки местных властей создавать контртеррористические группы, предназначенные для уничтожения политических экстремистов. Выполняя задачи по уничтожению террористов, они не столько предупреждали распространение экстремизма, сколько многими фактами собственного насилия способствовали укреплению страха в различных социальных группах.

Революционный российский терроризм активно проявлял себя и за границей. В Париже, Лондоне, Женеве, Монте-Карло и других европейских городах экстремистами из России было осуществлено немало убийств полицейских, солдат, представителей крупной и средней буржуазии. К этим акциям следует добавить многочисленные налеты на российские посольства и консульства в Европе. Такие события укрепили в российском обществе уверенность в мифических возможностях и без-

наказанности террористов, а также значительно усилили чувства страха и неотвратимости беды. Вооружаться стали все, кто имел для этого реальные возможности. Ощущение страха и потребность в защите своей жизни и своих близких спланивали людей в группы единомышленников. Оружие требовали даже монахи. Но общенациональная беда заключалась в том, что нередко подобные вооруженные группы вскоре сами становились на путь насилия и тем самым увеличивали опасность, которой пытались избежать. Однако разгул революционного терроризма в то время был присущ не только царской России. От революционного насилия собственных экстремистов страдали и другие европейские страны. Так, например, в Болгарии за сравнительно короткое время были убиты два министра-президента – С. Стамбулов в 1895 г. и Д. Петков в 1907 г. [6, с. 142].

Террористическая деятельность требовала немалых финансово-материальных затрат на подготовку и проведение экстремистских акций. Поэтому не удивительно, что наряду с политическими убийствами активизировалась практика революционных экспроприаций, под которой нередко подразумевались обыкновенные грабежи государственных и частных кредитно-финансовых учреждений. Известно, что В. Ленин даже предлагал партийному съезду (Четвертому, объединительному) своим решением «узаконить» революционные экспроприации. В разработанных им предложениях о партизанских боевых действиях указывалось, что допустимыми являются действия для захвата денежных средств, предназначенных неприятелю, т.е. самодержавному правительству [7, с. 38]. Поэтому не удивительно, что при таких настроениях в радикальной среде только за 12 месяцев, начиная с октября 1905 г., революционерами было ограблено около 1 тыс. кредитно-финансовых учреждений и совершено более 900 иных экспроприаций, причем в 83% случаев нападавшие избежали наказания, присвоив более 7 млн. рублей. Так, в Москве революционные налетчики только в одной акции завладели суммой в 800 тыс. рублей.

В Санкт-Петербурге экстремисты днем напали на карету Государственного банка и похитили 600 тыс. рублей. Подобные случаи оказывали сильное деморализующее влияние на имущее население, граждане стали с недоверием относиться к банковской системе, и у них были для этого веские основания. Даже в 1908 г., когда революционные выступления в России стали решительно пресекаться, экспроприаторы довольно легко за две недели февраля овладели почти полумиллионном рублей для своих революционных нужд.

На периферии размер награбленного обычно был меньше. Так, налет революционеров на один из сахарных заводов в Киевской губернии принес экспроприаторам около 10 тыс. рублей. Но зато вдаль от столичных властей резко увеличивалось количество экспроприаций. Опасности подвергались не только зажиточные слои населения, но и всякий, кто, по мнению налетчиков, мог иметь деньги. Экстремистские группы грабили артели ремесленников, кустарей, были отмечены случаи нападения на гимназии. Анархисты Одессы, например, не сумев осуществить крупный грабеж на борту торгового судна, в поисках денег убили старую женщину, торговавшую лимонами. В Киеве экспроприаторы на свои «революционные нужды» забрали у лавочника три пары сапог. Идея революционных экспроприаций оказалась весьма привлекательной и после прихода революционеров к власти, они сделали ее частью государственной идеологии и практики. Вторглась она и в практику экспорта революции, где проявлялась в разных ситуациях и масштабах. Почти анекдотичными выглядят действия известных большевиков В. Антонова-Овсеенко и П. Дыбенко, которым срочно понадобился автомобиль по причине поломки собственного. Остановив роскошный «Рено», они услышали от пассажира требование пропустить его во имя греческого короля, чьим консулом он является. Замешательство революционеров было недолгим, со словами «Во имя греческого пролетариата!» они овладели машиной и наглядно продемонстрировали, чем для

иностранный дипломат-капиталист может закончиться победа революции во всемирном масштабе или, по крайней мере, в его стране [8, с. 326]. Но известны и более серьезные акции, связанные с добыванием средств для экспорта революции в масштабе уже всей страны.

Акт насилия в тот период было множество, и каждый из них способствовал нарастанию общественной напряженности, развитию массового психоза, порожденного многочисленными террористическими актами революционных боевиков, а то и просто уголовников, скрывающихся под звонкими революционными лозунгами. Столь ошеломляющее влияние терроризма XX в. на общественную жизнь объясняется тем, что в первое десятилетие нового века он приобрел поистине массовый характер. Общество в то время вполне можно было разделить на три группы – те, кто был втянут в террористическую деятельность, кто ей сочувствовал и кто от нее пострадал.

В значительной степени это объясняется тем, что революционный терроризм захватил широкие слои населения. Если в XIX в. в политических убийствах участвовали представители привилегированных групп российского общества, то с началом нового столетия в среде террористов оказалось значительное количество пролетарских и полупролетарских элементов. Большинство из них были вчерашние крестьяне, перебравшиеся на жительство в город и с трудом адаптировавшиеся к новым для них условиям. Эти люди легко попадали под влияние радикальной агитации и пропаганды, активно втягивались в террористическую деятельность, простодушно полагая, что она совершается им во благо. Не случайно «не менее 50% всех устроенных эсерами политических убийств было совершено рабочими... многочисленные источники указывают на большое число ремесленников, чернорабочих и просто безработных, участвовавших в политических убийствах в составе других антимонархических групп, особенно анархического толка».

В боевую революционную деятель-

ность активно вторгаются женщины. Если в XIX в. среди экстремистов были представительницы высшего и среднего классов, то с начала нового столетия в революцию потянулись выходцы из низших социальных слоев и заняли там весьма прочные позиции. Они составляли почти 23% всех террористов, активно включенных в революционную деятельность, а в знаменитой «Боевой организации эсеров» женщины-боевики составляли одну треть организации, многие из них таким образом реализовывали потребность в самоутверждении, т.к. в среде террористов они встречали большее уважение и признание, чем в законопослушных слоях общества.

Женщины-боевики принесли в экстремизм образцы самоотверженной преданности революционной идее и крайнего фанатизма. Избирая путь политического насилия, они порывали, как правило, со своими семьями, культурными традициями своего социального окружения, отвергали идею собственного материнства, и уже одним этим революционерки становились в глазах населения источником негативного влияния на окружающих. В исполнении террористических актов они были не менее жестоки, чем мужчины, и этим вносили свою лепту в упрочение психологической напряженности в обществе.

Кроме женщин, под знамена террора пришло много молодежи, значительная часть из которой была школьного возраста. В эсеровской среде 22% всех террористов приходилось на молодежь 15-19 лет, в этой партии уделяли серьезное внимание работе с молодежью. Известен, например, боевой отряд школьников-членов партии социалистов-революционеров. В боевых рядах анархистов нередко встречались 14-летние боевики, много их было и у эсеров-максималистов. При этом многие взрослые революционеры, независимо от политической ориентации, отмечали, что 14-16-летние боевики отличались отчаянным характером, фанатизмом и склонностью к непрерывному насилию. Поскольку партийные лидеры окружили фигуру террориста героическим ореолом, убийство и эшафот приобрели для таких

молодых людей привлекательную силу. Романтизированный образ героического борца за свободу, прославляемый революционной прессой и либеральной частью общества, особенно нравился школьникам и подросткам, формировал у них готовность к участию в наиболее рискованных террористических акциях.

Правда, немало молодежи стало террористами просто вследствие тяжелого материального положения. Не видя иного выхода из бедности, эти молодые люди охотно потянулись к борьбе взрослых с монархией. Бесстрашие и дерзость таких боевиков объяснялась тем, что им нечего было терять в случае неудачи. Иногда они соглашались участвовать в террористической деятельности при условии, если им заплатят за каждого убитого 50 копеек.

Несовершеннолетнюю молодежь в политические убийства и революционные грабежи втягивали почти все радикально настроенные политические партии и группировки. О пагубном влиянии на неокрепшую психику подростков подобных революционных актов никто не задумывался, а ведь именно это поколение очутилось в центре кровавых событий последующих 10-15 лет и во многом определило степень жестокости установившихся в обществе отношений. В начале же века радикалов больше заботило то, что действия подростков не всегда были эффективными. Так, известный приверженец революционного террора Л. Троцкий весьма сожалел, что увеличивается число терактов, в которых жертвы получают только ранения, причину чему он видел в том, что «...стреляли необученные дилетанты, главным образом зеленые юнцы». Укреплению в обществе страха в немалой степени способствовали революционные выступления в армии и на флоте. Только в армии их было около 500, причем более 100 из них были вооруженными. Дважды, в 1905 и 1906 гг., поднимали восстание кронштадтские моряки, трижды – в 1905, 1906, 1907 гг. – моряки Владивостока. В 1905 г. выступили моряки Севастополя. Вооруженное выступление 1905 г. в Москве сопровождалось выступлениями революционеров в Харькове,

Екатеринославе, в городах Донбасса, крестьянское движение охватило более половины всех уездов европейской части Российской империи.

Интересна реакция российского общества на многочисленные политические убийства и экспроприации. Конечно, речь идет о той его части, которая непосредственно не пострадала от рук боевиков и грабителей. Немногие влиятельные политические партии публично выступили с однозначным и резким осуждением революционного террора. Некоторые крупные политические объединения, такие, например, как Конституционно-демократическая партия, заняли двойственную позицию – они не приветствовали революционное насилие, но в то же время отказывались официально осудить практику индивидуального террора, скрываясь за туманными формулировками о специфическом этапе развития российского общества. Такая позиция отражала реальные настроения, царившие в обществе.

Несмотря на жестокость конкретных экстремистских акций, жертвами которых становились не только представители монархического режима, но и случайные свидетели, в общественном сознании велико было сочувствие революционным террористам. В среде интеллигенции, либеральных кругах, даже среди некоторых государственных чиновников помощь террористам рассматривалась в качестве этической обязанности. Боевикам предоставляли кров, пищу, деньги, снабжали документами. Некоторые из сочувствующих предоставляли свои квартиры для хранения и изготовления средств террористической деятельности. Экстремистов поддерживали не только средние слои, но и представители низших слоев общества, которые считали, что террористы несут освобождение от капиталистического гнета. Поэтому не случайно именно в этих кругах создавались боевые группы для освобождения террористов из тюрем или во время их этапирования.

Физическая жестокость террористов оказала существенное влияние на деформацию сложившихся нравственных усто-

ев населения, инициировала развитие моральной жестокости. Нередко стали встречаться случаи, когда раненому чиновнику или его сопровождающим, пострадавшим вместе с ним, отказывались оказывать помощь из-за опасения мести террористов. В некоторых местах напряженность в обществе достигла такого накала, что, находящиеся на грани нервного срыва работники похоронных контор, священники отказывались представлять ритуальные услуги жертвам революционного террора, а их близкие боялись приходить на похороны. Подобные опасения были вполне оправданы, ибо террористы в своих целях использовали и такие трагические ситуации в жизни людей. И как знать, не отсюда ли берет начало проявившаяся в наше время практика терроризма во время ритуальных церемоний.

Вовлечение различными революционными группами в террористическую деятельность несовершеннолетних способствовало раннему проявлению их возрастной агрессии и жестокости. Не сумев компенсировать их активным участием в революционной деятельности, многие подростки обратили агрессию на свое ближайшее окружение. В значительной мере пострадали от этого семейные отношения. Ошеломляют, например, откровения 16-летнего боевика из Екатеринослава, намеревавшегося «...с удовольствием пустить пулю в лоб» своей матери из-за того, что она неласково обошлась с его подружкой. Обращенное к ней письмо показывает степень нравственной деградации этого юноши, который посмел угрожать родному человеку тем, что «...мои товарищи не пожалеют пуль для вашего убийства». К сожалению, подобный факт был не единственным.

Оправданно ли в свете изложенного объяснение трагедии семьи деревенского мальчишки Павлика Морозова тлетворным влиянием исключительно советской власти? Наверное, без учета череды кровавых событий начала XX в. причины этой трагедии вряд ли можно полно объяснить. Вот два примера родительской жестокости в пользу этой мысли из менее отдаленного

периода. «У меня не дрогнет рука привести в НКВД и дочь, и сына, и внука, если они хоть бы одним словом были настроены против партии» [9]. Эти слова принадлежат революционному фанатику с довольно низким культурным уровнем развития. Нет ни малейшего сомнения в его готовности к столь жестокому обращению с близкими ему людьми. А вот другой эпизод. Царский генерал в эмиграции, человек, вобравший в себя многие достижения цивилизации, кладет перед родным сыном собственный браунинг и выходит из помещения, молчаливо подсказывая путь решения возникшей проблемы. Суть проблемы состоит в том, что сына подозревают в связях с советскими спецслужбами, что, кстати, впоследствии не нашло подтверждения в суде [10]. Так ли уж велика разница между этими как внешне, так и внутренне весьма несхожими людьми, которые почти всю свою жизнь сталкивались с насилием, нередко были в нем активной стороной, а в результате по сути стали его жертвами.

Реакция российского государства на зарождающееся революционное террористическое движение в империи было далеко не адекватной. Террор начала 1900-х годов застал власть не подготовленной к его отражению. В то время только начинало складываться в общественном сознании понимание того, что «...власть является объектом острого, в том числе насильственного противоборства». Правительственные круги избегали крутых ответных мер, опасаясь упрека европейских стран в чрезмерной жесткости в обращении с революционерами. Кроме того, некоторые члены правительства полагали, что активная борьба с внутренней оппозицией закроет дорогу России к внешним кредитам. Правительство, кроме того, не желало утраты тесных контактов с либерально-демократическими слоями общества своей страны. Более того, во время всплеска терроризма многие правительственные чиновники под влиянием либералов не скрывали своего восхищения революционерами, некоторые даже помогали им.

Ситуация для государственной власти

усугублялась тем, что у революционеров не было страха перед ответственностью за террористическую деятельность и революционные грабежи. Режим «политического преступника» в начале века был весьма щадящий, продолжительность заключения измерялась месяцами. По образному выражению одного из революционеров ему «тюрьма была веселей свадьбы». Для такого утверждения у него были все основания. Осужденные террористы тогда жили в деревнях со своими семьями, ежедневно собирались для обсуждения своих революционных дел. При таких условиях тюрьма действительно была «школой революции» и опасаться ее не было никакого резона.

Немаловажно и то, что правительство «не смогло дать психологический или идеологический стимул своим малообразованным рядовым защитникам, вынужденным рисковать жизнью в борьбе со своими согражданами, которые возвышенным стилем объявили себя «защитниками дела революции». Если добавить к этому, что тюремный персонал небезосновательно опасался мести террористов, то становится понятно, почему значительная часть осужденных экстремистов без особого труда бежала из мест заключения, а находившиеся под следствием чувствовали себя весьма привольно. После того, например, как в Киеве был полностью арестован революционный комитет, его политическая деятельность нисколько не прекратилась. Он продолжал, уже из тюрьмы, руководить забастовкой, выпускать прокламации, проводить иные организационные мероприятия.

Резкий поворот в карательной политике царизма произошел в 1906-1907 гг., когда в действие вступили военно-полевые суды. Они разбирали дела по упрощенной процедуре, в сжатые сроки, и выносили преимущественно смертные приговоры. С августа 1906 г. по апрель 1907 г. таких приговоров было вынесено свыше 1 тыс., в 1908-1909 гг. за политические преступления было осуждено почти 16 500 человек, из них свыше 3 680 было казнено. Решительно был ужесточен режим тю-

ремного содержания. Но восстановление порядка в монархии не обошлось без жестоких перегибов. После долгого периода революционного насилия сторонники решительных правительственных мер в государственной администрации стали широко злоупотреблять властью, порождая очередной виток насилия. На всю Европу «прославился» комендант Ялты генерал Думбадзе, который беспощадно расправлялся с еврейским населением, выселяя его из города в нарушение всех законов. Когда ему стало, например, известно, что из одного из двух домов в него стрелял террорист, который тут же покончил с собой, он приказал арестовать всех жителей этих домов, а дома сжечь вместе с имуществом и прилегающим садом. Подобных случаев после подавления революции 1905-1907 гг. было немало, и они никак не способствовали установлению гражданского согласия в стране, а только поддерживали высокий уровень социальной напряженности в обществе.

Таким образом, революционное насилие было подавлено широкомасштабным насилием государства, которое в силу своей жестокости, а нередко и несправедливости, только усилило деформационные процессы в общественном сознании и способствовало распространению агрессии, озлобленности в повседневном общении граждан. Жесткие ответные меры царского правительства, безусловно, подавили всплеск революционного терроризма, однако полностью пресечь экстремистскую деятельность ему не удалось. Следует отметить, что жестокое противостояние между царизмом и революционной оппозицией в начале XX в. имело место и в Украине – составной части Российской империи. Но при этом четко прослеживается тот факт, что решать политические задачи с помощью террора пытались в основном партии и организации крайне радикального, экстремистского толка: эсеры, анархисты, максималисты и находившиеся под их влиянием иные оппозиционные группы и движения (их предшественниками в Украине в конце 70-х годов XIX в. были «народовольцы»). Именно с их

стороны чаще всего совершались террористические акты в отношении представителей власти самодержавия. Как известно, эсером-боевиком Д. Богровым был смертельно ранен в Киеве и премьер-министр Российского государства П. Столыпин.

Однако в Украине в тот период была и другая оппозиция. После революции 1905-1907 гг. в России установился режим жесточайших репрессий, направленных против участников всех антисамодержавных освободительных движений – национальных, социальных, политических и культурно-просветительских. Руководители Украинской социал-демократической рабочей партии С. Петлюра и В. Садовский нашли союзников в созданном в 1908 г. межпартийном политическом блоке украинских либеральных деятелей (в большинстве из бывших членов самоликвидировавшейся Украинской радикально-демократической партии) – «Товаристві українських поступовців» (ТУП). Его возглавили М. Грушевский и С. Ефремов. ТУП избрало конституционно-парламентский путь борьбы за решение «украинской проблемы» и в период столыпинского режима было единственной легальной украинской организацией. «Поступовцы» достигли понимания с российскими думскими фракциями «трудовиков» и «кадетов», которые взяли на себя обязательства поддерживать борьбу украинцев против национального гнета. В программах названных партий и ТУП не предусматривалось использование террора для решения политических задач [11].

Уместно отметить, что в апреле 1917 г. именно ТУП инициировало созыв Украинского национального конгресса, на котором была избрана Центральная Рада (представительский орган), которая определила демократический путь становления украинской государственности, о чем свидетельствуют принятые ею четыре Универсала и Конституция УНР [12, с. 29-91].

Трагедия населения Российской империи заключалась также и в том, что наряду с безжалостным революционным терроризмом на плечи народа в начале

века легли две кровопролитные войны, которые в немалой степени увеличили число человеческих потерь и внесли свой вклад в ужесточение общественных нравов. Эти войны, в сочетании с широкомасштабным революционным терроризмом, заставили огромные массы людей свыкнуться с неотвратимостью социального насилия, примирили с его жестокостью, резко обесценили человеческую жизнь, заглушили чувства сострадания и сопереживания. Первой кровавый счет открыла русско-японская война 1904-1905 годов. В ней Россия потерпела поражение, уступила занимаемые территории и потеряла на поле боя свыше 270 тыс. убитыми солдат своей армии. Следующей была Первая мировая война 1914-1918 гг., чудовищно жестокая уже в планетарном масштабе. Начавшись как конфликт между несколькими странами, она впоследствии втянула в свою орбиту 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек. В вооруженном противостоянии оказались армии, объединявшие 37 млн. человек, при этом в их тылу находилось около 70 млн. от мобилизованных солдат и офицеров. Впервые для уничтожения противника использовалось оружие массового поражения. Россия вступила в войну 6-тью армиями, общей численностью свыше 1 млн. человек. Впервые в истории цивилизации столь гигантскими были потери в этой войне – около 10 млн. убитых и свыше 20 млн. раненых. Потери России составили 1,5 млн. убитых [13].

Завершающий этап этой войны совпал с двумя социальными революциями 1917 г. в России, всплеском национально-освободительного движения в Украине и других регионах империи. Результат этих событий известен. В центре государственную власть захватили большевики, которые активно стали распространять свое агрессивное влияние на всю территорию бывшей царской империи. Именно это послужило толчком к началу жестокого противостояния советской власти, а также иностранной военной интервенции. Такое столкновение, в котором стороны всеми способами и средствами отстаивают свои жизненно важные, но диаметрально про-

тивоположные интересы, не могло быть бескровным. Особенностью развернувшейся борьбы явилось то, что в нее с обеих сторон были втянуты люди, чья жизнь в предшествующие 15-18 лет протекала на фоне по сути непрекращающегося кровопролития в России.

Вынужденные с оружием в руках отстаивать правоту своих идеалов, отвергающие компромиссы, провозглашающие жесткое, а подчас и жестокое обращение со своими противниками, эти люди за долгие годы войн и революций утратили чувство самосохранения. Они больше не ценили свою жизнь и были абсолютно равнодушны к судьбам тех, кто покушался на их идеалы. Понятно, что противоборство представителей таких полярных воззрений часто велось до физического уничтожения своего противника. Постепенно воюющие стороны стали считать такой итог единственно возможным и безусловно справедливым способом разрешения возникшего противостояния. Без учета подобного фона трудно непредвзято анализировать документы того периода, такие, например, как листовку Харьковского комитета РСДРП(б), призывавшую рабочих, солдат и крестьян Украины к гражданской войне еще – в марте 1917 года. Аналогичный призыв остался в истории, кстати, и от имени киевских большевиков [14]. На наш взгляд, они весьма наглядно иллюстрируют выдвинутый выше тезис о господствовавших в то время способах разрешения социальных конфликтов. Интересно, что в тогу революционного романтизма нередко обряжались и откровенные бандиты. В статье «Исповедь» издававшийся в Харькове орган анархистов-синдикалистов «К свету» весьма откровенно заступился за своих единомышленников, совершавших грабежи и убийства, объясняя это «борьбой с классом угнетателей», «ярким протестом против собственности». Печатный орган анархистов представил страницы одному из своих сторонников для таких, например, «откровений»: «...Я пользуюсь всем, и только беру, но ничего не даю. Только разрушаю... Мы ослабляем этим государство, власть, кото-

рая на борьбу с нами убивает массу людей и сил, обессиливая этим себя и порождая своей жестокостью по отношению к нам ненависть к себе» [15, с. 149].

Обстановка всепоглощающего насилия способствовала проявлению жестокости не только в отношении противников, но и соратников. Пребывание председателя ВЧК Ф. Дзержинского в отряде левозерского мятежного командира Попова довольно хорошо известно в истории, этот эпизод вошел во многие книги и фильмы. Но мало кто знает, что один из лидеров большевиков – В. Бонч-Бруевич предложил тогда в качестве радикальной меры разбомбить мятежников и его в этом решении поддержал В. Ленин, прекрасно зная, что там, в качестве заложника, находится его боевой товарищ по партии – «железный чекист Феликс» [9]. Кстати, левые эсеры в своих «операциях по экспроприации» нередко предпочитали выступать под видом чекистов. Так, например, изыскивая в 1920 г. деньги на типографию для издания партийной газеты, они решили ограбить квартиру, получив доступ в нее по подложному ордеру на обыск Харьковской губчека.

При столь жестоком отношении к своим соратникам от революционеров трудно было ожидать лояльного отношения к своим противникам. В деле экспорта революции это особенно отчетливо проявилось. Так, обращаясь в свое время с приветствием к венгерским рабочим, В. Ленин писал: «Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец (революции. – Авт.), чем Советская Россия... Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к Вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел – вот законная участь труса на войне» [16]. И если подобная участь труса на войне не вызывает особого неприятия, то распространять правила войны на взаимоотношения с политическими противниками вряд ли допустимо в рамках достигнутой цивилизации. Но коммунистические лидеры пошли своей дорогой в своей революционной практике и описанные ранее

события в Германии, Болгарии, Эстонии и ряде других стран служат тому подтверждением.

Известно, что гражданская война закончилась победой большевиков, армия которых к концу войны насчитывала 5,5 млн. человек. Подавляющее большинство воевавших в ней полностью или частично одобряли вооруженные методы борьбы в отстаивании своих взглядов, и эту убежденность они внесли с собой в мирную гражданскую жизнь уже советской страны. Реально носителей такой идеологии было гораздо больше, если учесть, что к мирному труду приступило немало тех, кто воевал против советской власти, но по каким-либо причинам был вынужден сложить оружие, не в последнюю очередь надеясь на милость победителя.

Публицист Р. Медведев заметил эту особенность и написал о том времени: «Не оправдывая большевиков, надо их действия рассматривать в контексте первых 20 лет XX столетия. Это была 1-я мировая и колониальная экспансии, когда насилие считалось обычным и приемлемым методом решения политических и национальных проблем и для цивилизованных стран Западной Европы, даже не заметивших ни геноцида армян в Турции, ни геноцида населения Бельгийского Конго» [17].

Интересно, что очевидцы тех событий смотрели на карательную политику большевиков иногда под очень необычным углом зрения. Так, известный русский философ, богослов, профессор МГУ С. Булгаков, который был выслан большевиками из страны в 1922 г., за три года до этого сделал доклад «Духовные корни большевизма». В нем он утверждал, что «Русский большевизм – сплав стихии желтого Востока – монгольской расы, северных народов и славянства – выражается в дикости и зверской жестокости плюс особенности холодной страны, на которую все нападали» [18].

Привыкшие за долгие годы к оружию и скорой расправе над противником, вчерашние солдаты принесли с собой в мирную жизнь твердую уверенность, что любые социальные конфликты эффективнее

всего решать понятными им фронтовыми методами. В этом их убеждала и теория классовой борьбы, ставшая официальной идеологией победившей власти большевиков и распространяемая среди населения через многочисленных агитаторов, пропагандистов, партийную печать и другие средства информации. В этом же убеждала и повседневная политическая практика, которая продолжала стойко придерживаться революционного насилия, рождая или реанимируя подчас весьма изощренные формы истребления людей.

Достаточно вспомнить активно используемые большевиками в начале двадцатых годов на Украине институты заложников и ответчиков. И хотя бесспорно повстанческое движение и разгул уголовного бандитизма представляли серьезную опасность для советской власти, все же карательные меры в виде обстрела селений и их полного уничтожения были недопустимо жестокими ответными мерами пролетарского государства, публично осудившего террор буржуазной власти в отношении рабочих и крестьян [19].

В подобной революционной практике весьма рельефно просматривается противоречивость в делах и лозунгах коммунистических лидеров того периода. Признавая крестьянство, пусть даже и не все, в качестве опоры советской власти в деревне, большевики готовы были это крестьянство уничтожать деревнями без разбора, тем самым, реанимируя отношения всемерно осуждаемой ими царской монархии к тем же крестьянам, когда те выходили из ее повиновения. Вот какое, например, указание поступило от министра внутренних дел России курскому губернатору в 1905 г.: «... деревню бунтовщиков стереть с лица земли» [20]. Через полтора десятка лет большевики обратились к этой практике.

Можно предположить, что на фоне общего насилия, сопровождавшего развитие российского общества два последних десятилетия, такое решение большевиков не казалось им особенно жестоким. Поэтому нередко в обращениях к населению последнему напоминалось, что «... советская

власть не остановится ни перед какими мерами и жертвами..., за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей... сел и станиц. Наше предупреждение – не пустая угроза. Советская власть располагает достаточными силами для осуществления всего этого» [21]. Трудно представить, что подобные обращения принадлежали представителям власти, которая на весь мир объявила себя подлинно народной. Правда, к крестьянству не лучше относились в силу сказанного и противники большевиков. Известна телеграмма атамана Б. Аненкова, адресованная Колчаку. В ней атаман весьма обыденно сообщал о своих намерениях: «Чистку нужно произвести основательно. Здесь в одном селе уничтожено все мужское население, а в двух наполовину» [20].

Понятно, что убежденными носителями подобной идеологии и практики в первую очередь становились коммунисты, работавшие в государственном аппарате и партийных органах. Сказанное в полной мере относится и к сотрудникам советских спецслужб. Специфика этой категории сторонников советской власти заключалась в том, что в их профессиональной деятельности переход к мирному этапу развития государства был замечен менее всего. Нацеленность на мировую революцию и необходимость укреплять оборонный потенциал собственной страны не давали советским спецслужбам возможности погрузиться в неспешную мирную жизнь. Обеспечение экспорта революции в европейские страны требовало усилий, соизмеримых с периодом гражданской войны и отражения военной интервенции. Необходимость решения боевых задач, привлечение военных специалистов, использование боевых средств – все это только усиливало сходство с военным периодом и подталкивало к мысли о полезности востребования не только боевого опыта, но и боевых методов подавления классового противника.

Убежденность спецслужб в целесообразности такого подхода покоилась на двух важных обстоятельствах. Во-первых, оперативная практика, особенно первых

послевоенных лет, свидетельствовала, что существуют реальные силы как внутри страны, так и за ее пределами, нацеленные на устранение советской власти вооруженным путем, чему советские спецслужбы должны были препятствовать в силу своего предназначения.

Эти силы объединяли представителей свергнутых классов, и поэтому применение против них жестких, а нередко и жестоких мер не вызывало неприятия в среде сотрудников спецслужб. Подобная практика находила поддержку среди пролетарских слоев населения, откуда в советские спецслужбы шло основное пополнение, и это также укрепляло в спецслужбах уверенность в правоте и целесообразности собственных действий.

Во-вторых, этому способствовали изменения во внутривластной ситуации в стране. В ходе развернувшейся в среде высшего партийного руководства борьбы за власть И. Сталиным была сформулирована, получившая затем широкое распространение идея о нарастании в послевоенное время сопротивления советской власти со стороны ее внешних и внутренних противников. И если образ внешнего врага остался без особых изменений, то понятие внутреннего противника стало претерпевать существенные изменения. К тому времени лидеры большевиков уже осознавали, что победить в вооруженной борьбе широкое повстанческое движение, имеющее глубокие крестьянские корни, довольно проблематично, даже используя институты заложников, ответчиков, артиллерийские обстрелы сел и прочие меры подавления. И совсем катастрофичным для советской власти было бы единение повстанческих тенденций с оппозиционными процессами в различных социальных слоях городского населения.

Поэтому, кроме реальных противников советского строя, которые своими вполне конкретными действиями подрывали обороноспособность государства, к числу врагов советской власти все чаще стали относить отдельных лиц, а то и группы людей, которые только подозревались в подобной деятельности. С развитием в стране об-

становки подозрительности стремительно расширялось представление о внутренних врагах советского государства. К ним стали относить целые политические партии, в первую очередь из числа недавних противников большевиков, большие социальные группы, выделенные по профессиональному, территориальному, национальному или иным признакам.

Апофеозом политического недоверия стало зачисление в списки врагов советской власти целых народов, что явилось продолжением уже упоминавшейся практики коллективной ответственности. Эти взгляды И. Сталина и его единомышленников оформлялись в виде политических установок высших органов коммунистической партии и становились руководством в повседневных действиях всех государственных органов, общественных организаций и объединений. Внутри самой коммунистической партии сложилась обстановка, в соответствии с которой враждебной советскому государству деятельностью стали считаться не только выступления против линии партии, но и любые высказанные сомнения о ее правильности. Постепенно такой подход стал критерием лояльного отношения к советской власти для всего населения СССР.

Спецслужбы в таких условиях не могли быть вне диктата руководящего ядра коммунистической партии, уже хотя бы потому что их ряды пополнялись преимущественно за счет наиболее активных членов РКП(б) – ВКП(б). Однако неверно было бы утверждать, что тотальная подозрительность спецслужбам была навязана полностью извне. По мере укрепления тоталитарного режима менялись и отношения между руководящей партией и специальными службами государства, которые все больше стали использоваться сталинским окружением для захвата инициативы во внутрипартийной борьбе, а затем и для расправы, сначала над наиболее сильными соперниками, а вскоре и над любой оппозицией. Между руководством коммунистической партии и советскими спецслужбами сложились довольно сложные взаимосвязи. Сталин и преданное ему

Политбюро ЦК определяли основные направления деятельности спецслужб и требовали неукоснительного исполнения своих политических установок.

Спецслужбы, реализуя волю политического руководства, отчитывались о полученных результатах перед высшими партийными инстанциями. Сложность ситуации для спецслужб заключалась в том, что эта воля причудливо объединяла в себе как стремление И. Сталина и его единомышленников обеспечить безопасность пролетарского государства от реальных противников советской власти, так и их тайные намерения избавиться от соперников во внутрипартийной борьбе, а впоследствии и от любых инакомыслящих. Эту двойственность верно подметил Б. Курашвили, который писал: «Теория обострения классовой борьбы в те годы ошибочная крайность. Другая крайность – «теория» полного социального единодушия, отсутствие врагов социальной сознательности и полной лояльности кулаков и т.п.» [22]. Трагедия спецслужб заключалась в том, что они вынуждены были свою деятельность осуществлять под лозунгом борьбы с врагами народа, в которую И. Сталин и высшие партийные органы втянули все население Советского Союза, постоянно меняя образ врага в соответствии с политической конъюнктурой.

Здесь возникает важный вопрос – была ли у советских спецслужб в тех конкретно-исторических условиях возможность сместить приоритеты в своей работе в пользу борьбы с реальными противниками советского государства. Исходя из доступной сегодня информации, ответ на этот вопрос, скорее всего, должен быть отрицательным, поскольку по мере укрепления тоталитарного режима все более усиливался личный контроль И. Сталина за деятельностью государственных и партийных спецслужб, что не только не вызывало неприятия в общественном сознании, а всячески поддерживалось и одобрялось. Однако необходимо отметить, что в распоряжении советских спецслужб все-таки были возможности оказать позитивное влияние на происходившие в стране внутриполитические

процессы и ограничить в какой-то степени размах шпиономании. Но эти возможности остались нереализованными. Так произошло в первую очередь потому, что в деятельности спецслужб постепенно стали смещаться приоритеты. Это, например, хорошо иллюстрирует практика выявления посягательств на обороноспособность СССР со стороны иностранных разведок и враждебных элементов внутри страны, где все чаще агентурно-оперативные меры борьбы с противником стали подменяться судебными мерами.

Отход от оперативных методов выявления посягательств на безопасность советского государства постепенно привел к деградации оперативно-профессионального мастерства советских спецслужб, которое с трудом начало складываться на рубеже 20-30-х годов, вызвал падение спроса на высококвалифицированного сотрудника-разработчика, чьими профессиональными усилиями вполне можно было внести ясность и объективность во многие неоправданные обвинения граждан в шпионской деятельности против Советского Союза. Но этому не суждено было сбыться. Однако даже если бы спецслужбы пошли по такому пути, их поджидали немалые трудности, поскольку в теории и практике советской юстиции все шире утверждался обвинительный подход, в центре которого стоял печально известный тезис о «царице доказательств» – решающей значимости признательных показаний обвиняемого или подсудимого. Следует помнить, что репрессии не миновали и самих сотрудников спецслужб. По некоторым подсчетам, их было репрессировано более 20 тысяч. Наверняка реальное количество потерь больше, ибо существование партийных спецслужб долгое время в советской литературе замалчивалось. В первую очередь жертвами репрессии становились наиболее квалифицированные специалисты, чей профессионализм и вера в революционные идеалы позволяли занимать весьма независимую позицию и отстаивать свои взгляды, особенно в ситуациях, связанных с обвинениями в шпионской и террористической деятельности авторитетных

участников революционного прошлого.

Приходящие им на смену работники в профессиональном отношении были подготовлены, как правило, значительно слабее. Не обладая необходимым уровнем оперативного мастерства, они, вместе с тем, весьма предвзято относились к опыту, накопленному их предшественниками, поскольку в его формировании участвовали многие уже арестованные к тому времени сотрудники. В такой ситуации многие из вновь прибывших сотрудников предпочитали в оперативной работе неукоснительно ориентироваться на установки высших партийных инстанций и волю своих руководителей. А какой она могла быть, весьма наглядно иллюстрируют слова многолетнего руководителя украинских чекистов В. Балицкого на одном из оперативных совещаний: «Вы знаете, что аппарат ГПУ это тот орган, который должен безоговорочно выполнять волю Центрального Комитета партии, которая передается через его Председателя. Если я прикажу стрелять в толпу независимо от того, кто бы там ни был – откажитесь – расстреляю всех – нужно безоговорочно выполнять мою волю» [23]. Поэтому если упомянутые оперативные сотрудники осознавали, что от них ждут жестких, а подчас и жестоких решений и действий, хотя прямо и не требуя этого, то они без особых колебаний реализовывали эти ожидания. А в тех случаях, когда такие действия им прямо предписывались должностными инструкциями или распоряжениями начальников, они всецело старались свой низкий профессиональный уровень компенсировать служебным рвением в практике репрессий.

О том, что в жернова репрессий втягиваются не социально чуждые пролетариату элементы, а бывшие активные революционеры, участники гражданской войны и простые рядовые труженики, в спецслужбах теперь задумывались не часто. Те немногие сомнения, которые все же возникали, решались просто – дополнением образа внутреннего врага новыми социальными категориями граждан, создаваемых по профессиональному, национальному, партийному, территориальному и иному

признаку. Идея такого циничного подхода принадлежала И. Сталину. Она была им опробована в процессе внутривластной борьбы за власть, а затем его сторонниками привнесена в деятельность советских спецслужб и положила начало страшной цепной реакции. Выполняя политические установки партийного руководства, спецслужбы проводили широкомасштабные аресты. Опираясь на эти аресты, центральные, партийные органы призывали спецслужбы к расширению масштабов политических репрессий, определяя все новые и новые категории неблагонадежных соотечественников. Затем все повторялось.

В таких условиях в спецслужбах стали пользоваться спросом не дотошные аналитики и мастера комбинации, а сотрудники, способные в сжатые сроки добыть у арестованных признательные показания в шпионской, террористической и иной враждебной деятельности. Особый спрос был на показания, свидетельствующие о разветвленной враждебной деятельности советских граждан в оборонной промышленности, наиболее важных отраслях народного хозяйства, армии, правоохранительных органах, органах власти и управления. Понятно, что добыть подобные показания у большинства невиновных людей можно было, только применив к ним жестокие меры воздействия, которые вызвали у жертвы сильные физические и моральные страдания. Подобную модель поведения чекистов иногда вольно или невольно укрепляли признанные лидеры большевистского движения. Вот что говорил, например, С. Киров на собрании сотрудников областного ГПУ в Ленинграде: «Надо прямо сказать, что ЧК-ГПУ – это орган призванный карать, а если попросту изобразить это дело, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ» [24]. Вряд ли после подобного напутствия партийного лидера обсуждение проблем милосердия в среде чекистов могло быть популярным занятием.

Ситуация усугублялась тем, что в обще-

ственном сознании постепенно формировалась убежденность, что признательные показания обвиняемых в государственных преступлениях вполне оправдывают применявшиеся к ним жестокие меры воздействия. Не малую лепту в это внесли сами спецслужбы, а также широкое пропагандистское обеспечение крупных политических процессов, характерное для 30-х годов. В основе этого заблуждения лежал тезис о том, что признание обвиняемого является приоритетным доказательством его виновности. Эта порочная формула была весьма распространенной, как уже упоминалось, в правовой теории и практике того периода.

То, что общественное сознание советских людей сравнительно легко поддавалось деформирующему влиянию очередной волны социального насилия и столь быстро свыкло к его новым проявлениям, позволяет предположить, что в мироощущении большинства советских граждан развернувшиеся политические репрессии продолжили череду неотвратимых кровавых событий, преследующих их с начала столетия и мало зависящих от политического устройства страны. Процесс обесценивания человеческой жизни, ужесточения общественных нравов, начавшийся в эпоху царизма, продолжался и при советской власти. В Украине это было особенно заметно в период голодоморов 1921-1922 и 1932-1933 гг., когда украинский народ понес колоссальные потери и приостановился в своем естественном развитии. На фоне этих абсолютно неоправданных людских потерь сложно было формироваться человеколюбию, развиваться чувствам сопереживания человеческим страданиям. К тому же в повседневную жизнь населения все чаще вторгались классовые регуляторы человеческих отношений, которые проповедовали жестокую нетерпимость к политическим противникам. Поэтому неудивительно, что когда такие противники объявлялись, их, чаще всего, встречало сформированное официальной пропагандой общественное мнение, сплоченное на острой ненависти и желании кровавой расправы над ними. Таким образом, первыми

выплескивались те чувства, которые прочнее всего сформировались в обстановке общественного страха и кровопролития, сопровождавших жизнь нескольких поколений с начала XX века. Характерно, что обреченные нередко полагали, что в вопросах вины И. Сталин и его окружение не дадут возможности совершиться социальной несправедливости.

Не были в этом отношении исключены и советские спецслужбы. Располагая в силу своей компетенции, проверенными данными об устремлениях иностранных спецслужб к оборонному потенциалу СССР, находясь постоянно в контакте с вражеской разведкой, спецслужбы незаметно для себя переступили ту грань, за которой тайная борьба с агентурой противника стала стремительно отягощаться их участием в борьбе за власть среди руководства компартии, где крепнущая сталинская группировка использовала спецслужбы для физического устранения своих противников.

В происшедшем вряд ли следует искать амбициозные попытки спецслужб узурпировать власть в стране, как это пытаются представить ряд авторов. Во-первых, границы их компетенции четко устанавливались высшими партийными органами, а затем доводились до них в порядке установленной юридической процедуры. Во-вторых, сталинский режим приложил немало усилий, чтобы вмешательство спецслужб во внутрипартийные конфликты проходило под предлогом едва ли не защиты отечества. Не следует забывать, что строительство социализма в СССР породило те реалии, которые весьма отличались от светлых идеалов борцов с царизмом. Большевистскому руководству это тревожное расхождение было гораздо безопаснее объяснять происками внутренних и внешних врагов, нежели признавать ошибочность собственной стратегии и тактики. К тому же, подобное объяснение возникающих проблем было проще внедрять в общественное сознание народных масс, которые чередой кровопролитных конфликтов XX в. были уже подготовлены к восприятию образа очередного врага.

Для укрепления этой идеи обществу необходимо было предъявить конкретного противника, мешавшего строить светлое будущее. И такой противник волей большевистских вождей всегда появлялся. Вначале в лице представителей социально чуждых классов, позже их сменили недавние союзники и попутчики большевиков, а затем очередь дошла и до соратников по партии. Первыми в списки врагов попадали старые революционеры, не желавшие мириться со сталинским социализмом, следующими – те, кто потенциально мог быть опасен укрепляющемуся сталинскому авторитаризму.

Выводы

Приводимые выше рассуждения со всей очевидностью показывают несостоятельность широко распространенного в литературе о советских спецслужбах мифа о том, что массовые репрессии межвоенного периода, особенно во второй половине 30-х годов, стали возможны только потому, что руководство спецслужбами, и органами госбезопасности в частности, захватили политические авантюристы, которые предприняли все меры для того, чтобы вывести спецслужбы из-под контроля коммунистической партии. Далее сторонники этой точки зрения утверждают, что, добившись поставленной цели, руководители спецслужб в борьбе за власть приступили к планомерному уничтожению всех тех, кто мог помешать им в реализации преступных замыслов.

Рожден этот миф был вскоре после смерти И. Сталина для того, чтобы снять с действовавшего в то время партийного руководства ответственность за необоснованные репрессии советского народа и отвлечь общественное мнение от объективного исследования политического террора 30-х годов. В последующие годы миф этот незначительно видоизменился, в основном за счет признания более активной роли отдельных партийных функционеров в организации политических репрессий в стране, но с неизменным сохранением прежнего акцента на авантюрных политических устремлениях руководства ор-

ганов госбезопасности. В советское время рождение и поддержание этого мифа было обусловлено распространенной практикой частичного разрешения острых социальных проблем и замалчивания исторических событий, в которых партийная и государственная власть выглядели далеко не лучшим образом.

Обращение к тому же мифу в постсоветских условиях свидетельствует либо о нигилистическом отношении к деятельности советских спецслужб, либо представляет собой очередную попытку дистанци-

ровать многочисленных партийных функционеров от результатов их деятельности опосредованной спецслужбами. Такая интерпретация прошлого в первую очередь направлена на укрепление позиций современных лидеров коммунистического движения, готовых представить органы госбезопасности СССР главными и чуть ли не единственными организаторами политических репрессий, чтобы на этом фоне демонстрировать преемственность в своей политике незапятнанных моральных ориентиров исторического прошлого

Литература

1. *Бабкин В.* Народ и власть / В. Бабкин, В. Селиванов. – К. : Манускрипт, 1996. – 448 с.
2. *Чайковський А. С.* За законом і над законом : з історії адміністративних органів і поліцейсько-жандармської системи в Україні (IX – початок XX ст.) / А. С. Чайковский, М. Г. Щербак. – К. : Україна, 1996. – 286 с.
3. *Спиридович А.* История большевизма / А. Спиридович. – Нью-Йорк, 1986. – С. 120.
4. *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894-1917 / А. Гейфман / Пер. с англ. Е. Дорман. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с.
5. *Рябков И. Ж.* Пролетарская революция / И. Ж. Рябков. – 1921. – № 3.
6. *Коларов В.* Болгария в центре мировой контрреволюции / В. Коларов // Коммунистический интернационал. – 1925. – № 5 – С. 126-148.
7. КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 3. – С. 154. Цит. По : Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. – М. : Вече, 1999. – 654 с.
8. *Антонов-Овсєенко В.* В семнадцатом году / В. Антонов-Овсєенко. – М., 1933. – 337 с.
9. «Источник». – 1966. – № 3. – С. 150.
10. «РОВС». – 2000. – № 1.
11. *Сарбей Г.* Національне відродження України / Г. Сарбей / Україна крізь віки. – Т. 9. – К., 1999. – С. 215-220, 281-287.
12. *Рубльов О. С.* Українські визвольні змагання 1917-1921 рр. / О. С. Рубльов, О. П. Реєнт. – К. : Альтернативи, 1999. – Т. 10. – 320 с.
13. Военный энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 545-546, 647.
14. Большеви́стские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март-ноябрь 1917 года). Сборник документов. – К., 1957. – С. 12-14.
15. *Дукельский С.* ЧК на Украине / С. Дукельский // ВЧК/ГПУ : документы и материалы / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Г. – М. : Изд-во гуманитарной литературы 1995. – 272 с.
16. Коммунистический интернационал. – 1919. – № 2. – С. 158.
17. «Альтернатива». – 1995. – № 4. – С. 15.
18. «Отечественная история». – 2000. – № 4. – С. 86.
19. «Краткая инструкция по борьбе с бандитизмом и кулаческими восстаниями». – ЦДАГО. Ф. 3204. – Оп. 1. – Спр. 3. – Арк. 27 ; Спр. 7. – Арк. 21-21 зв.
20. Иллюстрированная история СССР. – М. : Мысль, 1980. – С. 205, 292.
21. ЦДАВО України, ф. 1092, оп. 5, спр. 29, арк. 10.
22. *Курашвили Б.* Политическая доктрина сталинизма. История СССР / Б. Курашвили. – 1989. – № 5. – С. 74.
23. ГА СБУ, ф. КПИ, д. 195, т.2, с. 10.
24. Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки. – М., 1999. – С. 2000.
25. *Дмитриев А.* Насилие : социально-политический анализ / А. Дмитриев, И. Залысин. – М., 2000. – С. 85.